

УДК 82.091

DOI: 10.17223/24099554/8/2

Т.А. Ключенкова

КОНЦЕПТ «ДОМ» В РАССКАЗАХ ЭРНЕСТА ХЕМИНГУЭЯ И ЮРИЯ КАЗАКОВА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Факт нравственного и мировоззренческого влияния Эрнеста Хемингуэя на Ю.П. Казакова признан как самим писателем, так и исследователями его творчества. Между тем художественная специфика этого влияния фактически не изучена. В статье творческое взаимодействие американского и русского авторов выявляется при помощи концептуального анализа. В качестве объектов исследования взяты концепты «home» и «дом». Анализируются их структура и особенности репрезентации в рассказах Хемингуэя «A Clean Well-Lighted Place» и «Проклятый Север» Казакова.

Ключевые слова: Э. Хемингуэй, Ю. Казаков, компаративистика, художественный концепт, концептуальный анализ художественного текста, литературные влияния.

Определение характера и типа литературных взаимодействий авторов, которые жили в разное время и ни разу не пересекались друг с другом, но были в каких-либо аспектах близки в плане эстетических установок или поэтики, – сложная проблема. Именно такой связи знаменитого американского писателя Эрнеста Хемингуэя (1899–1961) и русского прозаика периода «оттепели» Юрия Павловича Казакова (1927–1982).

Творчество Хемингуэя имело особый статус в культуре времени, на которое пришлось молодость Казакова. В 50–60-е гг. XX в. увлечение Хемингуэем в СССР было сродни байроновской «эпидемии» в России XIX в. [1. С. 158] и охватывало не только богему, но и тысячи молодых читающих людей. Оно не обошло стороной и Казакова. По словам Н.Л. Шиловой, «опубликованные архивы Казакова свидетельствуют о своеобразном литературоцентризме его сознания, проявлявшемся, например, в особом пиетете по отношению к любимым авторам, с миром которых – поэтическим, а по возможности и биографическим – Казаков стремился соприкоснуться как можно полнее. Так было с Хемингуэем. Следы подражания его персонажам

легко обнаруживаются в дружеской переписке Казакова даже на уровне стиля» [2. С. 69].

Образ жизни путешественника, искателя приключений и борца за справедливость произвел большое впечатление на молодого писателя. Об этом Казаков хорошо сказал в эссе «Памяти Хемингуэя», впервые опубликованном в журнале «Московский литератор» в 1961 г.: «Людей и жизнь Хемингуэй изучал на всей планете. Его всегда влекли те события, при которых человек вынужден победить или умереть, при которых человек обнажается весь – во всей своей красоте или мерзости. Не так уж часто случается, когда писатель, даже гениальный, бывает во всем подобен лучшим своим героям. Хемингуэй был как раз таким писателем. Это был крепкий, мужественный человек – солдат и охотник, боксер и рыбак» [3. С. 333].

Позднее в интервью журналу «Вопросы литературы» (1979) «Для чего литература и для чего я сам?», как бы отвечая на претензии о подражании Хемингуэю, Казаков утверждал: «Хемингуэй повлиял на меня не стилистически – он повлиял на меня нравственно. Его честность, его правдивость, доходящая порой до грубости (так и нужно!), в изображении войны, любви, питья, еды, смерти, – вот что было мне бесконечно дорого в творчестве Хемингуэя» [3. С. 422]. Подобное влияние отмечали друзья и коллеги писателя, а затем и исследователи его творчества. По словам Виктора Конечного, Казаков учился у Хемингуэя «изображению плоти жизни и смерти, и любви, и питья, и охоты, имея сознательную или несознательную – цель: вернуть людям, которые утратили способность радоваться чувственному миру, его краски, запахи; заставить нас вспомнить красоту и радость плотского...» [4. С. 520].

Между тем помимо мировоззренческой общности между Хемингуэем и Казаковым можно увидеть и общность художественную. Елена Галимова в своей монографии «Художественный мир Юрия Казакова» объясняет ее связью стиля Хемингуэя с чеховской традицией: творчество американского прозаика было для Казакова, который и сам тяготел к традициям русской дореволюционной литературы, доказательством актуальности Чехова в современной ему эпохе [1. С. 161].

При очевидности художественных взаимодействий специальных работ, посвященных связям творчества Хемингуэя и Казакова, практически нет, и вопрос об их специфике и поэтических формах остается открытым.

В статье для решения этой задачи используется метод концептуального анализа, предполагающий «выявление концептов, моделирование их на основе концептуальной общности средств их лексической репрезентации в узусе и тексте и изучение концептов как единиц когнитивной картины мира языковой личности автора» [5]. Понятие художественного концепта к настоящему моменту имеет множество трактовок. В частности, В.Г. Зусман понимает под ним «такой образ, символ или мотив, который имеет “выход” на геополитические, исторические, этнопсихологические моменты, лежащие вне художественного произведения» [6. С. 743]. Убедительной представляется нам позиция О.А. Фещенко, которая среди направлений концептуального анализа выделяет «отсистемный», заключающийся в лексикографическом описании ключевого слова определённого концепта с целью выявления его структуры, и «оттекстовый», который представляет собой исследование репрезентации художественного концепта непосредственно в тексте произведения. Исследовательница предлагает подходить к изучению концептов комплексно, совмещая эти два подхода и выполняя их поэтапно [7. С. 4].

Из всего разнообразия авторских концептов Хемингуэя и Казакова объектом сравнительного анализа был выбран концепт ‘дом’, ключевым лексическим воплощением которого в русском языке является слово «дом». В английском ему соответствуют две лексемы: «home» и «house». Все три слова многозначны в обоих языках. В целом наиболее важные значения слов-репрезентантов концепта ‘дом’ можно свести к следующим:

- место, где человек живет, или то, которое он считает для себя родным;
- место, где человек родился, Родина;
- семья, домочадцы;
- здание.

Концепт ‘дом’ в английской и русской культуре является одним из ключевых. Дом ассоциируется со спокойствием, чувством защищенности и уютом. Иметь дом – это благо, отсутствие его считается трагедией. Через метафорическое соотнесение с домом в обеих культурах моделируются многие смыслы, связанные с общением между людьми, психическим здоровьем, жизнью и смертью.

В связи с ограниченным форматом статьи нас будет интересовать художественная реализация концепта ‘дом’ в рассказах Эрнеста

Хемингуэя «A Clean Well-Lighted Place» и «Проклятый Север» Юрия Казакова.

«A Clean Well-Lighted Place» вышел в сборнике рассказов «Winner Takes Nothing» в 1933 г. На русском языке он был впервые опубликован под названием «Чисто, светло» в 1934 г. в сборнике «Смерть после полудня», а также в журнале «30 дней» в переводе Е.С. Романовой. В ее же переводе, но уже под названием «Там, где чисто, светло», он вошел в двухтомный сборник Хемингуэя «Избранные произведения» 1959 г. и в дальнейшем переиздавался в таком виде.

Действие рассказа происходит в кафе, которое ежедневно посещает одинокий старик, чтобы скрасить свой досуг за рюмкой коньяка. Из диалога официантов становится известно, что он невероятно богат, но недавно что-то заставило его совершить попытку самоубийства. Молодой официант выражает недовольство тем, что старик, сидя подолгу в кафе, не позволяет ему уйти домой пораньше. В конце концов он выпроваживает старика. Официант постарше проявляет большее понимание и защищает пожилого человека, которому некуда больше пойти. Сам он тоже одинок и понимает, почему людей вроде этого старика так тянет засидеться подольше в кафе, где чисто, опрятно и всегда горит свет.

Лексическая репрезентация концепта 'дом' в этом рассказе частотна: выражения со словом «home» («to go home» и «at home») встречаются в тексте восемь раз на пяти страницах печатного текста.

Наиболее характерны они для речи молодого официанта, который постоянно повторяет, как он сильно хочет вернуться домой к жене: «Всю ночь просидит, – сказал он другому. – Я совсем сплю. Раньше трех никогда не ляжешь. Лучше б он помер на прошлой неделе» [8. С. 196].

Этим он противопоставлен другим персонажам рассказа (старик-посетителю и пожилому официанту), которые вовсе не торопятся покинуть кафе, несмотря на то, что у них обоих есть крыша над головой: «А я вот люблю засиживаться в кафе, – сказал официант постарше. – Я из тех, кто не спешит в постель. Из тех, кому ночью нужен свет» [8. С. 197–198].

Почему-то в кафе они чувствуют себя комфортней. Причина кроется в том, что они оба одиноки: в отличие от молодого официанта, у них нет жен, которые ждали бы их возвращения.

Получается, что 'дом' в рассказе – это место, куда возвращаются, причем нужен человек, который ждал бы вернувшегося. У молодого официанта это жена («Скучно ему одному. А я не один – меня жена в постели ждет» [8. С. 196]), потому он так рвется поскорее закончить работу и отправиться домой, тогда как у других героев рассказа людей, ради которых хотелось бы возвращаться, нет. Старик был когда-то женат, но сейчас он овдовел, и племянница, ухаживающая за ним, не годится на роль того, ради которого стоило бы торопиться домой. Пожилой официант тоже одинок:

– У тебя и молодость, и доверие, и работа есть, – сказал официант постарше. – Что еще человеку надо.

– А тебе чего не хватает?

– А у меня всего только работа [8. С. 197].

Главной причиной, по которой герои предпочитают дому кафе, подобные тому, где происходит действие рассказа, является то, что в них чисто, опрятно и светло – своеобразная замена домашнего уюта.

– Не понимаешь ты ничего. Здесь чисто, опрятно, в кафе. Свет яркий. Свет – это большое дело, а тут вот еще и тень от дерева [8. С. 198].

Кафе выступает в роли своего рода заместителя дома. Атмосфера этого места и алкоголь помогают заполнить душевную пустоту, которая является результатом их одиночества и отсутствия настоящей укорененности. Оба персонажа остро ощущают эту экзистенциальную незаполненность. Старик, не выдержав ее, пытался покончить с собой. Пожилой официант не помышляет об этом, но радости в жизни не ощущает: везде он видит «*nada*», или «ничто»:

Все – ничто, да и сам человек – ничто. Вот в чем дело, и ничего, кроме света, не надо, да еще чистоты и порядка. Некоторые живут и никогда этого не чувствуют, а он-то знает, что все это *nada* у *pues nada* у *nada* у *pues nada*. Отче ничто, да святится ничто твое, да придет ничто твое, да будет ничто твое, яко в ничто и в ничто [8. С. 198].

В «*A Clean Well-Lighted Place*» представлены два типа героев: те, которые не имеют дома (пожилой официант и старик), и те, у кого он есть (молодой официант). Этот персонаж показан так, что вызывает мало симпатии у читателя: то, что у него есть место, куда вернуться, и жена, которая ждет, он постоянно подчеркивает, как бы

кичась этим. Молодой человек ведет себя весьма эгоистично: холодно обращается со стариком, выпроваживает его из кафе, чтоб закрыться пораньше. Этим он вызывает скорее отрицательные эмоции, чем положительные, чего нельзя сказать о двух других персонажах. Основное внимание автора сосредоточено на пожилом официанте, именно он становится своего рода смысловым центром рассказа. Старик же, несмотря на свое жалкое положение, не показан опустившимся, наоборот, он ведет себя с честью и достоинством: «Он старик аккуратный. Пьет, ни капли не прольет. Даже сейчас, когда пьяный» [8. С. 267].

Кажется, что автор симпатизирует именно тем героям, которые дома не имеют. Несмотря на то, что неприкаянность, отсутствие пристанища вызывают подлинные страдания, Хемингуэй считает такой образ жизни более приемлемым, чем привязанность к какому-то месту.

Похожие мотивы можно наблюдать и в рассказе Юрия Казакова «Проклятый Север», написанном в 1962 г. Его изначальное название – «Нам становится противно». Попытка опубликовать рассказ в журналах «Знамя» и «Новый мир» в 1962 и 1963 гг. не увенчалась успехом. В конце концов под названием «Проклятый Север» он был напечатан в журнале «Москва» и, помимо переименования, также подвергся некоторым редакционным правкам (из текста был вырезан эпизод из воспоминаний главных героев) [9. С. 183]. В своем первоначальном виде рассказ был впервые опубликован в журнале «Звезда» в 2011 г., а также в книге Игоря Кузьмичева «Юрий Казаков. Документальное повествование» в 2012 г.

Герои, о которых идет речь, – два приятеля-моряка, проводящие свой отпуск в Ялте. Оба они, хоть и находятся на отдыхе, не ощущают радости, наоборот, их мучают тоска и разбитость. Не зная, чем себя занять, сначала они посещают дом-музей А.П. Чехова, а потом сидят в ресторане, слушая музыку, вспоминая былое, и в итоге решают вернуться на работу на Север.

Репрезентанты концепта 'дом' встречаются в тексте 18 раз на 15 страницах. В подавляющем большинстве случаев (15 из 18) употребляется непосредственно ключевая лексема «дом», а в остальных трех производное от нее выражение «домой» («идти домой», «хотеть домой»).

Подобно «Там, где чисто, светло» Хемингуэя, герои рассказа Казакова показаны в отчуждении от дома, что во многом связано со специ-

фикой их работы: рыбный промысел в Баренцевом море. Отпуск свой они также проводят вне дома. Из воспоминаний персонажей становится понятно, что образ жизни не позволяет им задерживаться на одном месте настолько долго, чтобы считать это место домом.

Настрой персонажей тягостный и трагический. Отдых, которого, по словам главного героя, они так ждут, находясь в море, не приносит им должного удовлетворения:

И в Ялте мы были одни, как будто только что вернулись из долгого рейса, нам некуда было деваться, а только разговаривать о смысле жизни, о ее краткости, переменчивости, и чем веселее было вокруг нас, тем грустнее было нам, хоть это и глупо грустить, когда весна, когда ты в Ялте, на берегу прекрасного моря, когда кругом так много людей, и так южно и древне пахнет, так все зовет к бездумности, к счастью – но что делать, и кто виноват, что нам плохо! [10. С. 297].

Герои никак не могут найти себе место, и потому, подобно старику из рассказа Хемингуэя, их тянет в рестораны, где есть женщины и выпивка и где «тепло, светло и покойно» [10. С. 298], что является прямой отсылкой к рассмотренному выше рассказу.

Работа же, несмотря на ее тяжесть, качку, бессонные вахты и «опостылевшее море», продолжает привлекать их, хоть и не вызывает уже тех романтически восторженных чувств, какие испытывал главный герой в начале карьеры. Она, хоть и тяжела, но любима. Однако у персонажей нет дома, где можно было бы спокойно отдохнуть от нее. Личная жизнь их не складывается:

– Ты мне вот что скажи, – спросил меня друг. – Тебя женщины любят?

– Нет, – сказал я. – Я неинтересный. Все мне скучно. И вообще как-то так...

– А у меня все некрасивые, – сказал друг. – Мне на них везет. Я на них глядеть спокойно не могу, жалею. И они это чувствуют, собаки. А красивых у меня как-то, знаешь, не было. Странно это [10. С. 302].

У героев «Проклятого Севера», как и у пожилого официанта из «A Clean Well-Lighted Place», нет ничего, кроме работы. Это и является причиной их тоски.

Не случаен в рассказе образ дома-музея Чехова, который посещают герои. В нем воплощено то, что вкладывается автором в поня-

тие 'дом'. Дом – это место, где можно «тихо посидеть», заняться работой, предаться любимому увлечению, место, недоступное другим людям. Такое тихое и спокойное место способствует занятиям творчеством. Герои, однако, в этом доме чувствуют себя неловко из-за того, что нарушают его интимную атмосферу, личное пространство хозяина, пусть уже давно умершего:

Заглянули мы и в спальню с жалкой какой-то узкой железной кроватью, а больше уж и глядеть нечего было, да и не хотелось нам, и все время неловко было, будто пришли, а хозяина нет, вот-вот вернется и застанет нас [10. С. 295].

Более того, главному герою здесь становится «грустно и жалко чего-то». Он лишний раз напоминает ему и его другу, что сами они не обладают таким местом, где можно было бы найти отдушину, отдых от однообразной и тяжелой работы. Показательно, что эта проблема мучает не только главных персонажей рассказа, но и второстепенных. Музыканты в ресторане, чья грустная музыка полюбилась главному герою, также оказались людьми, оторванными от дома, итальянцами, попавшими в Ялту во время войны и так и не сумевшими вернуться на родину. Это еще больше подчеркивает атмосферу тоски и отчужденности, несмотря на царящее вокруг персонажей веселье.

Образ дома Чехова, однако, не столь однозначен, как может показаться на первый взгляд. Несмотря на тишину и уют, из разговоров героев видно, что писатель не был счастлив, находясь здесь:

– Выпьем за Чехова, – сказал он. – Как-то на меня это подействовало, знаешь. Раньше как-то не думал, а теперь понял: несчастный он был. Дом этот и вообще все – бодяга это. Какая тут жизнь? Ему Россия нужна была, он на Шпицберген все собирался съездить. У меня сердце что-то болит, нельзя мне пить. Уехать бы нам куда-нибудь из этой Ялты, а, старик? [2. С. 299].

То есть жизнь на одном месте, по мнению главных героев, – это не жизнь. Потому, хоть и ощущая тоску от своей неприкаянности, они все же не могут «осесть» где-либо и обзавестись домом. Для персонажей, по сути, не так уж и важно, куда направиться, важен именно сам образ жизни путешественника:

- Так... Пошли спать, а завтра поедем в этот... как его?
- Куда?
- Как его?... А! Да черт с ним, куда-нибудь! [10. С. 306].

То, что именно герои рассказа живут настоящей жизнью, подчеркивается тем, как их настроение контрастирует с окружающей обстановкой, которая кажется им скучной и фальшивой:

А нам было скучно. Каждый раз вечером наваливалась на нас тоска, и Ялта казалась нам убогой, веселье людей – неестественным, и даже море было для нас ненастоящим, слишком прилизанным и удобным, созданным будто специально для отдыхающих, для прогулок на катерах [10. С. 293].

Другие люди, показанные в рассказе, предстают, как правило, не в самом лестном свете: шумная компания, нарушающая тихую атмосферу чеховского дома, моряки, которые «преувеличивали свою отрешенность от земли, девочки у них были с высокими круглыми прическами, крашенные, с загорелыми руками и шеями и требовали себе мороженого и сухого вина» [10. С. 299], официант с «пошлым и алчным» лицом. Единственные герои, помимо главных, которые вызывают симпатию, это музыканты, которых, как уже отмечалось ранее, также судьба забросила далеко от дома.

Мы видим, что в рассказах Хемингуэя и Казакова есть очевидное сходство в понимании концепта ‘дом’ и его художественной репрезентации:

- персонажи рассказа находятся не дома;
- дом воспринимается как место, куда можно вернуться с работы, где можно найти отдых и утешение;
- герои ощущают свою неполноценность в связи с отчуждением от дома и испытывают тоску, избавиться от которой они пытаются при помощи выпивки в ресторане или погружения в работу;
- персонажи, не имеющие дома, показаны с большим пониманием, чем те, кто дом имеет.

Параллель со стилем Хемингуэя можно наблюдать в первоначальной редакции рассказа («Нам становится противно»). Подобно тому, как это делал в своих произведениях американский писатель, Казаков выносит в название ключевую фразу, заключающую в себе мироощущение героев и смысл произведения. Более того, фраза эта в вырезанной впоследствии части рассказа служит рефреном [11. С. 514–518].

Различия тем не менее также наблюдаются. Герой рассказа Хемингуэя не только не имеет дома, он еще и одинок. Более того, страдая от одиночества, он не ищет внимания со стороны других людей,

предпочитая этому уединение в уютном кафе в компании алкоголя. Героев «Проклятого Севера», во-первых, двое, во-вторых, образ жизни насыщает их новыми впечатлениями и знакомствами. Если положение старика и официанта из «A Clean Well-Lighted Place» безнадежно, то моряки Казакова имеют шанс обрести дом.

Таким образом, в ходе анализа «A Clean Well-Lighted Place» и «Проклятый Север» обнаружилась связь между текстами на уровне образов и реализации в них концепта «дом». И в том и в другом случае он играет существенную роль в сюжете рассказов. Значения, в которых использован концепт, в существенной степени перекликаются – при том что по отношению к сложившейся в европейской культуре традиции образ дома у обоих писателей достаточно специфичен и отмечен чертами амбивалентности: отчуждение от дома – это привычное состояние для их героев. Более того, в мироощущении центральных персонажей оно носит скорее положительную, чем отрицательную коннотацию. При обращении к первоначальной редакции «Проклятого Севера» обнаружилась стилистическая связь между двумя авторами. Это, впрочем, только одна непрямая цитата названия «A Clean Well-Lighted Place» в рассказе Казакова. Каких-либо значительных интертекстуальных перекличек между произведениями нет. На наш взгляд, это свидетельствует о значительной писательской автономности Казакова и одновременно о мировоззренческой близости двух авторов, характер взаимодействия которых должен быть прояснен в дальнейшем исследовании.

Литература

1. *Галимова Е.Ш.* Художественный мир Юрия Казакова. Архангельск: Изд-во ПГПУ, 1992. 173 с.
2. *Шилова Н.Л.* Адам и Ева на острове Киж: об одном сюжете Юрия Казакова // *Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 9.* 2014. № 4. С. 67–73.
3. *Казаков Ю.П.* Две ночи: Проза. Заметки. Наброски. М.: Современник, 1986. 336 с.
4. *Конечкий В.В.* О Юрии Казакове // *Конечкий В.В.* Ледовые брызги: Из дневников писателя. Л.: Сов. писатель, 1987. С. 440–542.
5. *Тимощенко С.А.* О концептуальном анализе как методе лингвистических исследований [Электронный ресурс] / *разраб. и созд. сервера: Publishing house Education and Sciences.* г. о. Электрон. дан. Прага. URL: http://www.rusnauka.com/3_KAND_2007/Philologia/18494.doc.htm, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 17.04.2017).
6. *Тарасова И.А.* Художественный концепт: диалог лингвистики и литературоведения // *Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского.* 2010. № 4 (2). С. 742–745.

7. Феценко О.А. Концепт ДОМ в художественной картине мира М.И. Цветаевой (на материале прозаических произведений): дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2005. 216 с.

8. Хемингуэй Э. Там, где чисто, светло // Хемингуэй Э. Избранные произведения: в 2 т. М., 1959. Т. 2. С. 195–198.

9. Кузьмичев И.С. Жизнь Юрия Казакова: Документальное повествование. СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга, ООО «Журнал «Звезда»», 2012. 536 с.

10. Казаков Ю.П. Избранное: Рассказы: Северный дневник. М.: Худож. лит., 1985. 559 с.

11. Казаков Ю.П. Нам становится противно // Кузьмичев И.С. Жизнь Юрия Казакова: Документальное повествование. СПб., 2012. С. 501–519.

THE CONCEPT OF HOME IN THE STORIES BY ERNEST HEMINGWAY AND YURI KAZAKOV: PROBLEM FORMULATION

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2017, 8, pp. 24–35. DOI: 10.17223/24099554/8/2

Tatiana A. Kliushenkova, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation). E-mail: tguzaurov@gmail.com

Keywords: E. Hemingway, Yu. Kazakov, comparative studies, literary concept, concept analysis of literary text, literary influences.

The article is devoted to the literary links between Ernest Hemingway and Yuri Kazakov, a Russian short story writer. Though the authors never met each other in person, Kazakov himself admits Hemingway's ethical and ideological influence, and so do his close friends and those who investigate his creativity (Viktor Konetskiy, Gleb Goryshin, Igor Kuzmichev and Elena Galimova). In addition, Galimova points out the stylistic and thematic connection between the oeuvre of the two authors. However, as little has been done to study the literary links between Hemingway and Kazakov so far, it still remains the question to be answered. In this research, the literary interaction between Hemingway and Kazakov is studied with the use of concept analysis. The author analyses literary concepts, their structure and functioning in the us and literary text. A literary concept is "such an images, symbol or motif that is connected to geopolitical, historic and ethnopsychological points beyond a literary piece of art" (V. Zusman). In this paper, Hemingway's "A Clean Well-Lighted Place" and Kazakov's "The Accursed North" are analysed for the concept of home, with its key words "dom" in Russian and "home" and "house" in English. The complex analysis consists of several stages. At first, the author investigates the structure of the literary concept with the use of various dictionaries to find out that all the keywords representing the concept are polysemantic, with the most important meanings of "a place where a person lives or a place a person thinks of as native", "a place where a person was born, Motherland", "family, household", "a building." Secondly, the author analyses the representations of the keywords in both texts. The further comparative analysis has shown the connection between the stories at the level of images realizing the concept under study. It has been demonstrated that Ernest Hemingway and Yuri Kazakov share some common ways of depicting and understanding the concept of home, with homelessness being usual for their characters. Furthermore, both writers consider this state positive rather than negative, as the idea of traveling and wandering is very close to Hemingway, Kazakov, and their characters. The first edition of Kazakov's story shows some stylistic similarities with that of Hemingway, though explicit intertextual connections have not been found.

References

1. Galimova, E.Sh. (1992) *Khudozhestvennyy mir Yuriya Kazakova* [The Artistic World of Yuri Kazakov]. Arkhangelsk: Pomorsky State Pedagogical University.
2. Shilova, N.L. (2014) Adam and Eve on Kizhi island: About one plot of Yu. Kazakov. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 9 – Vestnik of Saint Petersburg University: Language and Literature*. 4. pp. 67–73. (In Russian).
3. Kazakov, Yu.P. (1986) *Dve nochi: Proza. Zametki. Nabroski* [Two nights: Prose. Notes. Sketches]. Moscow: Sovremennik.
4. Konetskiy, V.V. (1987) *Ledovye bryzgi: Iz dnevnikov pisatelya* [Ice Spray: From The Writer's Diaries]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'. pp. 440–542.
5. Timoshchenko, S.A. (2007) *O kontseptual'nom analize kak metode lingvisticheskikh issledovaniy* [On conceptual analysis as a method of linguistic research]. [Online] Available from: http://www.rusnauka.com/3_KAND_2007/Philologia/18494.doc.htm. (Accessed: 17th April 2017).
6. Tarasova, I.A. (2010) Khudozhestvennyy kontsept: dialog lingvistiki i literaturovedeniya [The Artistic concept: A dialogue of linguistics and literary criticism]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 4(2). pp. 742–745.
7. Feshchenko, O.A. (2005) *Kontsept DOM v khudozhestvennoy kartine mira M.I. Tsvetaevoy (na materiale prozaicheskikh proizvedeniy)* [The concept of home in M.I. Tsvetaeva's artistic picture of the world (on the material of prose works)]. Philology Cand. Diss. Novosibirsk.
8. Hemingway, E. (1959) *Izbrannye proizvedeniya: v 2-kh tomakh* [Selected Works: In 2 Vols]. Vol. 2. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury. pp. 195–198.
9. Kuzmichev, I.S. (2012) *Zhizn' Yuriya Kazakova: Dokumental'noe povestvovanie* [The life of Yuri Kazakov: A documentary narrative]. St. Petersburg: Soyuz pisateley Sankt-Peterburga, Zhurnal "Zvezda."
10. Kazakov, Yu.P. (1985) *Izbrannoe: Rasskazy: Severnyy dnevnik* [Selected Works: Stories: The North Diary]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
11. Kazakov, Yu.P. (2012) Nam stanovitsya protivno [We feel disgusted]. In: Kuzmichev, I.S. *Zhizn' Yuriya Kazakova: Dokumental'noe povestvovanie* [The life of Yuri Kazakov: A documentary narrative]. St. Petersburg: Soyuz pisateley Sankt-Peterburga, Zhurnal "Zvezda." pp. 501–519.